

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

С. ЛОСКУТОВ

У ПАРТИЗАН

*Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва — 1942*

1. В ДОРОГУ!

Меня вызвали к начальнику штаба.

— Итак, вы идете, — сказал он мне, — решение получено.

И он спросил:

— Готовы?

Готов ли я? Еще бы! Не один день готовился я к этой экспедиции. Мне предстояло перейти линию фронта, чтобы побывать в партизанских отрядах, действующих в немецком тылу. Дорога не легкая. Прежде всего надо было найти спутников. С одним я уже договорился. Это кинооператор Гусев, мой давнишний знакомый. Я фоторепортер и встречался с Гусевым во время самых разнообразных съемок — в колхозах, на заводах, на войсковых маневрах. Побывали мы с ним вместе в Монголии. Он старше меня. Былывалый и крепкий человек. Отличный спутник для похода, который я задумал.

Вместе с Гусевым мы и готовились в путь. Надо было пройти восемьдесят-сто километров в глубь вражеского расположения, чтобы попасть в один из партизанских отрядов. Для этого потребуется примерно пять-шесть дней.

На каждый день мы взяли по три армейских сухаря, по банке консервов на двоих да по три куска сахара. Кроме того, у нас была колбаса и немного коньяку. Вот и все наше продовольствие. Вооружение — пистолеты и гранаты.

С нами шел проводник, который стал командиром группы. Командир наш молод — всего двадцать лет. Однако он уже много испытал, повидал. Комсомолец. Смелый, энергичный, стойчивый. Он сразу нам понравился. Фамилия его Зайцев, Сережа Зайцев. Мы звали его попросту «Зайчиком».

Присоединился к нам также один из партизанских вожаков — Яков Ривман. Он был прислан партизанами в штаб наших частей для связи и теперь возвращался обратно. Этот постарше, ему за тридцать лет. Маленький, быстрый, разговорчивый, потомственный рабочий.

Вместе с Яшей Ривманом шел партизан Егорушка, бывший пограничник. О нем многое можно порассказать. Это настоящий следопыт, охотник. Может распутать любой след, растолковать повадку птиц, зверей, отлично знает разведку. Редко-редко услышишь от него слово. Стоит, прислушивается, приглядывается. Но если заговорит, то уж слушай: обязательно скажет что-нибудь дельное. А говорит спокойно, с расстановкой. Вообще такого спокойствия я никогда не встречал. Он мог сесть и уснуть в любой обстановке, умел даже спать стоя. Кругом стрель-

ба, рядом немцы — ему нишчем, он сидит, закрыв глаза, будто дремлет. Но не дремлет он, все слышит. За сто шагов затрещит сучок под ногой—Егор сразу открывает глаза, прислушивается и шепнет нам, кто идет, далеко ли... Лесной человек, болотный житель.

Настал долгожданный день. Линия фронта шла по реке. Ее надо было перейти вброд. Вечером весь наш отряд прибыл в расположение роты, где было решено перейти реку. Погода была скверная, все время шел дождь. Где-то далеко, за лесом, играли зарницы.

Часов в десять все было готово к выступлению. Мы поднялись, чтобы попрощаться с командиром роты. Не скрою, я волновался — уж очень дело необычное. Мои товарищи казались спокойными, но по сосредоточенности и молчаливости я угадывал их внутреннее напряжение.

— Ну, парни, счастливо! — сказал командир.

Он потряс наши руки, мы двинулись к выходу. В это время зажужжал телефон. Из штаба полка передали телефонограмму: задержать наш переход впредь до нового распоряжения.

Мы стояли ошеломленные. Неужели разрешение на переход отменено? Неужели напрасны все сборы, приготовления? Мы не могли понять, что случилось.

Разгадка вскоре явилась в виде молодого черноволосого парня, имевшего совершенно запаренный вид. Пот катился с него градом, когда

он ввалился в хату. Он с испугом и надеждой оглядывал каждого из присутствовавших, задавая один и тот же вопрос:

— Не ушли? Еще не ушли?

Когда выяснилось, что мы не ушли, он бросился к нам, стал пожимать руки.

— Здравствуйте! Я Плескачевский. Иду с вами. — И он продолжал твердить: — Здравствуйте! Я Плескачевский.

Оказалось, что он сотрудник фронтовой газеты. Узнав, что готовится экспедиция к партизанам, он упросил начальство отпустить его и кинулся за нами. Он так спешил, что даже не взял рюкзака, пришел с голыми руками. Пришлось нам поделиться с ним довольствием. Зато переложили на него часть груза. Он оказался отличным товарищем. Лева, — так звали Плескачевского, — был человеком физически некрепким, болезненным. В течение всей экспедиции он чувствовал недомогание, температурил, но держался стойко — ни одной жалобы от него на болезнь или усталость мы не слышали. Даже Егор о нем говорил:

— Молодец, Лев: руки слабые, зато сердце железное.

...На следующий день мы снова все собрались в хате командира роты. Командир решил проводить нас на славу. Он крикнул повару:

— Васильич! Приготовь Картоху Терентьевну!

Картоха Терентьевна оказалась чудесной печеной картошкой. Повар готовил ее с каким-то особым шиком. Сколько раз мы вспоминали о ней в походе! Белая, рассыпчатая. Корка похрустывала на зубах. Мы прикончили ее единым махом. Командир крикнул:

— Васильич! Давай пузана!

Явился пузан в виде солидного никелированного самовара. Попили чайку.

Командир поднялся.

— Пора!

Мы вышли из хаты. Была ненастная, грозная ночь. После тепла нас сразу прохватил холодный, порывистый ветер. Впереди шел командир-сапер, который должен был провести нас по минным полям: оба берега реки были минированы нашими войсками. Кроме того, командир роты выделил стрелковое подразделение, которому поручил проводить нас на тот берег.

Неожиданно взошла луна. В ее желтоватом свете наши фигуры и даже лица были видны совсем отчетливо. Слышались раскаты грома, им вторила артиллерийская канонада и пулеметные очереди. Мы двигались гуськом за командиром саперного взвода. При этом мы точно следовали линии его движения. Шаг в сторону — и мы рисковали налететь на мины. Итти было нелегко. Мы держались друг за друга руками.

Вот и река. Пахнет знакомой речной сыростью.

— Раздеться! — шопотом передал по цепочке командир.

Начали раздеваться, увязывать вещи. В спешке вещи терялись. Мы шарили руками по траве, ища шапки, сапоги...

Раскаты грома стали резче, слышнее. Приблизилась гроза. Становилось все светлее и светлее. Это плохо. Немецкие часовые могут нас заметить.

Разделись. Вещи держали над головами в руках. Раздался тихий всплеск — это вошел в реку командир. Вот и моя очередь. Ноги коснулись воды. Ледяная! Дрожь прохватывает тело, коченеют икры, колени. Кажется, что холод пробирается к самому сердцу. Мы идем зигзагами, извилинами за сапером: дно реки тоже минировано. Вдруг ослепительно вспыхнуло медное солнце. Мы пригнулись к воде, замерли: неужели и сейчас немецкие наблюдатели не заметят нас и не откроют огня? Нет, все тихо. Пробираемся дальше. Запах ила, водорослей, какие-то дальние шорохи.

Все пока шло хорошо. Тело постепенно привыкло к холоду, стало теплей, движения сделались легче, свободнее.

Внезапно раздался шум. Столб воды взлетел где-то справа. Брызги посыпались во все стороны. Это Яша Ривман споткнулся о гнилую корягу на дне реки и плюхнулся в воду.

— Хальт! — послышалось с берега. Кричал часовой-немец.

Мы пригнулись к воде, стараясь слиться с ней, погрузиться в нее.

— Хальт! — раздалось еще раз, и прозвучал выстрел...

2. НОЧЬ И ДЕНЬ

...Мы стояли не шелохнувшись. На берегу, занятом немцами, началось неясное движение, послышались беспорядочные выстрелы. Короткими очередями застрочили пулеметы. Наши подразделения стали отвечать, завязалась оживленная перестрелка.

Мы продолжали стоять по грудь в воде. Видимо, и на этот раз нас не заметили — немцы были увлечены перестрелкой, которая все усиливалась.

Оставаться в воде становилось невыносимо: тело окоченело, ноги были, как деревянные. Командир шопотом скомандовал:

— Вперед!

Он резко свернул вправо, мы пошли по течению. Стрельба продолжалась, в дело вступили минометы. Наши подразделения, очевидно, хотели отвлечь от нас внимание немцев. Это им удалось. Мы беспрепятственно прошли метров двести и осторожно направились к берегу. Приблизившись, долго приглядывались, прислушивались.

Тишина. Разведчики вышли на берег, быстро обследовали его. Ни души.

Мы выползли на траву. О, каким теплым кажется осенний воздух после ледяной ванны!

Пока мы одевались, саперный командир осторожно ходил вокруг, всматриваясь в темноту. Как сейчас помню его фигуру. Он был в каске, но без брюк, в одних трусах, с автоматом в руках. Длинноногий, худой...

— Ну, счастливо, друзья! — сказал командир.

Мы горячо пожали ему руку. Итак, мы оставались одни. Было немного не по себе.

— Возвращайтесь скорей. В гости к Картохе Терентьевне! — сказал командир.

Мы улыбнулись, на душе стало легче. Великое дело — шутка в трудный момент!

Командиры и стрелки опять вошли в воду. Вот последний боец мелькнул среди кустов и исчез. Одни! Гроза отошла. Стрельба затихала. Лил сильный дождь. Плащ-палатки начали промокать. Мы были в центре немецкого расположения. Нам предстояло пересечь две дороги и дойти до леса, где мы могли себя чувствовать в некоторой безопасности. Последний раз оглянулись мы на реку, которая отделяла нас от советских войск, и тронулись в путь.

Дождь все усиливался. Капли шуршали о листья — казалось, кто-то крадучись следует за нами. Немецкие посты и засады должны были быть рядом. Через каждые два-три шага мы

останавливались и прислушивались. Тишина. Шорох дождя, глухие порывы ветра.

Внезапно Зайцев, наш командир, остановился, как вкопанный. Застыли и мы. Среди монотонного шума дождя ясно слышались голоса. Это был немецкий сторожевой пост, разместившийся возле кустарника. Мы почти налетели на него. Немцы о чем-то спорили. Наконец, один из них сердито выругался и пошел прочь. Он прошел в нескольких метрах от нас, громко разбрызгивая лужи. Мы словно вросли в землю.

Что делать? Постояли минут десять. Немцы не уходили.

— Ползком! — шопотом передал Зайчик по цепочке.

Мы поползли по лужам, прижимаясь грудью и животом к траве. Вода насквозь промочила одежду. Нижняя сорочка прилипла к телу, как компресс, который никак нельзя было назвать согревающим.

Наконец, Зайчик приказал подняться. Пошли, вязли в мокрой земле, сырость прохватывала до костей. Очень хотелось курить, но об этом не могло быть и речи. Мы натыкались на кусты, спотыкались на пни, под ногами потрескивали сучья. Проселочной дороги, которая должна была находиться где-то поблизости, все еще не видно. Мы заблудились.

Решили войти в ближний лесок, чтобы передохнуть и обсушиться. Решение это приняли не

без спора, но говорили шопотом, близко наклонившись друг к другу. Осторожно вошли в лесок.

Но вот неподалеку послышались голоса, раздалось позвякивание посуды. Оказывается, метрах в ста от нас расположились немцы. Мы ясно видели, как мелькали среди деревьев мундиры немецких солдат, запахло кухонным дымом. Зайчик — наш командир — отправился в разведку. Мы продолжали лежать в сотне метров от немцев, которые чистили оружие, переодевались, умывались. Плескачевского мучает кашель. Он сдерживается изо всех сил, но кашель прорывается, и бедный Лева прижимает кепку к губам. Слезы выступают у него на глазах от напряжения, все тело сотрясается. Этот кашель приносит нам много беспокойства.

— Лева, не надо, — шепчем мы умоляюще. — Ну, сдержись, потерпи!

Но Лева только безнадежно машет рукой и, уткнувшись ртом в кепку, придерживая ее рукавом, продолжает кашлять.

Если бы немцы внимательно наблюдали за местностью, то, несомненно, обнаружили бы нас. над нами все время кружились три сороки. Скверные птицы! Если вьется сорока в воздухе, стрекочет — знай: в лесу люди.

Несколько раз пытались мы отогнать сорок, осторожно кидали в них палками. Птицы улета-

ли, стрекоча, но затем опять прилетали и кружились, кружились...

Однако немцы ничего не заметили.

В середине дня немецкому повару понадобились дрова; он взял топор и вместе с двумя солдатами, тоже вооруженными топорами, пошел в лес. Они шли прямо на нас, посвистывая, куря трубки.

— Полундра, парни! — шепнул по-матросски Яша Ривман.

Он мигнул нам. Мы вынули пистолеты, приготовили гранаты. Мы еще раньше решили: если немцы нас обнаружат, драться до последнего патрона, до последней гранаты. Но последнюю пулю оставить себе, не попадаться немцам в лапы. Повар и солдаты подходили. Вот они остановились у березки, повар пнул ее, она ему почему-то не понравилась, он пошел дальше. Солдаты за ним. Прямо на нас.

Яша поднял пистолет, за ним — мы. Солдаты были в десяти шагах. Они шли посвистывая. Яша прицелился.

Повар подошел к небольшой сосне, обошел ее осматривая. Потом что-то сказал солдатам, те стали рубить. Дерево рухнуло, макушка легла рядом с нами, задев нас ветвями. Солдаты поволокли сосну к лагерю. Мы облегченно вздохнули. Пронесло!

В середине дня вернулся из разведки Зайчик. Оказалось, что ночью мы дали крюк — дорога

находилась примерно в трех километрах от нас. Решили ждать вечера и в темноте идти дальше.

Дела пока шли неплохо: немцы не замечали ничего. И вдруг — свинья!

Да, самая обыкновенная, ничем не примечательная свинья. Она подошла к леску, хрюкая, тыкаясь в землю пяточком, и сразу же направилась к нам. Я юткнул ее палкой. Она отпрянула в сторону, остановилась и снова, как ни в чем не бывало, вошла к нам в лесок.

И вот мы увидели, как четыре немецких солдата показались из-за деревьев с ружьями наперевес. Они заметили свинью и решили за ней поохотиться. Они двигались за ней, не видя ничего вокруг, как замороженные.

А свинья, мирно хрюкая, переваливаясь, посапывая, шла и шла к дереву, возле которого мы находились...

Вдруг, словно почуяв что-то, злосчастная свинья остановилась. Сделала полуоборот всем корпусом, увидела немцев и, хрюкнув, прыгнула в сторону. Побежала. Сначала тихой трусцой, потом быстрее. Немцы засемили ей вслед. Свинья перевалила через канаву и побежала среди кустов. Первый немец прицелился. Бац! Мимо. Свинья понеслась галопом. Еще один выстрел. Мимо! Охотники сердито переглянулись и послали друг друга к чорту. Мы искренне присоединились к этому пожеланию.

Свинья и любители свинины скрылись за кустарником. Дело шло к вечеру, больше нас уже никто не тревожил. Когда стемнело, мы тронулись в путь. Рассвет застал нас в нескольких километрах от фронта, стрельба и канонада стали глуше. Мы сверились по карте и двинулись дальше. Начались сплошные болота.

3. ПО БОЛОТАМ

Ох, болота, болота! Долго буду я их помнить! Есть болота с кочками и клюквой, болота губчатые, покрытые мхом, как губкой, — здесь еще можно идти. Но есть болота гиблые, которые на карте обозначаются непроходимыми. Когда вступаешь на такое болото, оно дрожит и качается под тобой, словно студень. Через каждые два-три шага — ямы. Они называются окнами. Десятиметровый шест не достигает дна такого оконца.

— Гнилая земля, — говорит Егор.

Сразу же товарищи, шедшие впереди меня, стали проваливаться по пояс. Вытаскивали их общими усилиями.

Первые же шаги по болоту показали, что чавканье при вытаскивании ноги слышно далеко кругом. Стали приспосабливаться.

— На носки, на носки! — командовал Зайчик.

Надо было ставить ногу на носок, тогда чавканье получалось слабее.

Худо ли, хорошо ли, но все же мы подвигались вперед. Часто останавливались, чтобы проверить направление по компасу. Я посмотрел на своих товарищей. Они тянулись друг за другом, покрытые капюшонами. Лица у всех бледные, усталые. Шли молча, разговаривать было строго запрещено.

Наконец, сделали привал. Стали закусывать. Съели по банке консервов на двоих, запили болотной водой. Сначала мы воду черпали кружкой, потом нашли лучший способ. Разыскали растение с длинным стеблем. Стебель опускали в глубь воды и пили сравнительно чистую воду.

— Кофе-гляссэ через соломинку, — сострал Плескачевский.

...Лес, темно. Идет дождь. Мы остановились на ночлег. Палатку натянуть невозможно, руки замерзли, пальцы не двигаются.

Кое-как все-таки смастерили палатку. Товарищи забрались туда, я остался часовым. Темно. Я стою, прислонившись к сосне. Все спят. Храп Егора слышен за пятьдесят шагов. Каждые пять минут бужу его:

— Егор, а, Егор!

Он недовольно мычит во сне, с трудом открывает глаза:

— Ну?

— Спи не так громко!

...С утра мы снова двинулись в путь. Наша дорога проходила по лесу, который перемещивался

с кустарником и болотами. Начинало темнеть. Зайчик, шедший впереди, внезапно остановился. Прислушались. Из лесу явственно доносились голоса.

Решили послать разведку. Пошел я. Шел долго. Голоса слышались то впереди, то слева. Лес поредел. На поляне я увидел три землянки, около них женщину, возившуюся над костром. Ничего подозрительного вокруг. Я направился к костру.

— Здорово, тетка!

Она испуганно посмотрела на меня.

— Здравствуйте.

Я подошел к костру, присел, погрел руки и после значительной паузы спросил:

— Почему это ты в лесу?

Она осторожно покосилась на меня:

— А вы, скажем, кто будете?

— Мы с Красной Армии, — сказал я, — пробираемся к своим, на восток.

Она уставилась на меня:

— С Красной Армии?

И вдруг заговорила:

— Ох, ~~мне~~ вы мои! Да когда же это наши-то вернутся сюда, когда?.. Замучились, совсем замучились!..

Она рассказала, что немцы выгнали всех из домов, разграбили все добро людей потащили рыть землянки в лесу.

Слезы текли у нее из глаз. Она растирала их шершавой ладонью по морщинистому лицу, приговаривая:

— На, возьми хлебца с собой!.. Ведь пропадешь — не дойдешь. Здесь ведь болота. Ох, и лютые болотища...

Хлеба, конечно, я не взял — у тетки он был последний. Расспросив, где находятся немцы, попрощался, пошел обратно и... заблудился. Полчаса кружил по лесу — нет нашего отряда! Тихо свистнул. Молчание. Еще раз свистнул. Опять нет ответа. Что делать? Я стал беспокоиться: один в лесу, среди болот, — этого еще не доставало! Ведь у меня не было ни компаса, ни карты, мой рюкзак с продовольствием остался на привале. Присел, прислушался. Ничего не слышно. Свистнул изо всех сил.

Послышался слабый ответный свист. Обрадованный, я быстро пошел на свист и вскоре уже был с товарищами. Они набросились на меня, стали ругать: «Зачем свистел, когда немцы рядом».

— Эх, ты, свистун, — с укоризной сказал Яша, — ты бы еще арию Онегина спел...

На следующий день вышли к шоссе на дороге. Подошли ближе, осмотрелись.

Все тихо, на дороге нет никого. Зайчик, согнувшись, перебежал через дорогу, за ним — Яша, за Яшей — остальные. В обочине мы спотыкаемся о немецкий телефонный провод.

— Рубать! — решает Яша.

Я вынимаю из рюкзака топорик, и мы обрубам длинный кусок провода. Итак, почин сделан — первая партизанская операция нашего отряда прошла удачно.

Впереди болото менее вязкое, но все товарищи явно устали и едва плетутся за вожатым. Лева все время кашляет в кепку: у него лихорадка. Да и остальным идти неважно. Находим твердый клочок земли, покрытый кустарником, недалеко от дороги. Решаем расположиться до рассвета.

Гусев разбил палатку. Все были рады отдыху, разулись. Только Егор подозрительно посматривал вокруг, словно приноживался. Он сказал:

— Вы не очень-то! Здесь не гостиница.

Перед тем как лечь спать, мы обулись. Часовым остался Зайчик. Я не спал. Через несколько минут Зайчик заснул стоя и упал. Я посоветовал ему закурить. Вскоре и я уснул.

Проснулся от сильного толчка в бок. Тут же услышал громкий шопот Егора:

— Немцы, немцы!

Было серое утро. Прямо на нас, по нашим вчерашним следам, перебежками двигалась, стреляя, цепочка немцев.

Оказывается, наш часовой заснул. Немцы обнаружили перерезанный провод, затем наши следы и двинулись на нас.

— Отползать! К лесу! — крикнул Зайчик.

Сзади нас, метрах в двухстах, был лес. Стали отползать, отстреливаясь. Немцы начали обходить нас справа, стараясь отрезать от леса. Каждая секунда была дорога, приходилось спешить, а тут эти проклятые кочки, гнилая земля! Мы падали, вязли, ползли. Пули низко свистели над нами.

Немцы опередили нас, обойдя справа. Мы бросились влево — лес был недалеко. Помню, я видел огромную золотистую сосну на опушке и изо всех сил полз к ней.

Вдруг совсем рядом раздался залп, и из-за кустов, перерезая путь, вынырнул немецкий ефрейтор, за ним пять-шесть солдат. Ефрейтор вскинул автомат и почти в упор дал очередь в Зайчика, который, пригнувшись, пробирался вперед.

Зайчик взмахнул, качнулся и рухнул плашмя в болотную грязь, разбрызгав мутную, покрытую жесткой травой воду.

4. НА ОСТРОВКЕ

...Егор опередил ефрейтора: выстрелил сбоку почти в упор. Ефрейтор грохнулся лицом в лужу, солдаты остановились в явном замешательстве. Зайчик, которого мы считали убитым или во всяком случае тяжело раненым, вдруг стремительно поднялся с земли и, как ни в чем не бывало, согнувшись, побежал вперед, ныряя среди кустов. Он крикнул нам:

— К лесу!

Как после выяснилось, он притворился убитым, чтобы ефрейтор не дал по нему второй очереди.

Мы кинулись за Зайчиком. Кусты были густые, но немцы прошивали их пулеметом и автоматами. Падали подсеченные пулями ветки, листья.

Зайчик прилег и, лежа, бросил в немцев две гранаты. Тем временем мы продирались в чащу. Зайчик бросил еще одну гранату и последовал за нами.

Немцы войти в лес не решались — боялись неожиданного нападения. Кругом чащоба, бурелом. Через пять минут мы были уже вне досягаемости. Чтобы сбить врагов со следа, мы покружили, «сделали лживый след», как говорил Егорушка, и затем, пройдя с километр по топкому руслу ручья, снова двинулись на запад.

К утру мы находились уже почти у цели нашего путешествия. В середине дня вышли к деревне. Осторожно ее обошли, осмотрели. Немцев в деревне не было. Заметили старика, который косил на лугу, подошли.

— Здорово, отец!

— Здравствуйте.

Он стал точить косу, оглядывая нас. Взгляд у него был пытливый, пронизательный. Мы немного забеспокоились. Гусев спросил:

— Как пройти в Поддорье?

Вопрос был задан, чтобы сбить старика с толку: нам Поддорье вовсе не нужно было, оно лежало в стороне от нашего пути. Старик ответил:

— Поддорье-то недалече... Да ведь вам не туда.

— Как так?

— А так... — Он помолчал, улыбнулся, подмигнул нам и сказал: — Жрать, небось, хочется? Накормлю, идемте!

Гм! Как тут поступить. Зайчик спросил:

— Немец давно тут был?

— А вы что, с немцем хотите встретиться?

Вопрос, можно сказать, по существу. Яша решительно ответил:

— Нет, не хотим!

— Ну, и я не хочу... Идемте!

Посоветовавшись, вынули наганы, пошли. По пути старик вдруг спросил:

— К партизанам идете?

Мы даже остановились от изумления. Зайчик сердито сказал:

— Сдурел... К каким партизанам?

— Да вы не темните, — сказал старик. — Я ведь все вижу. Не одни вы идете. День и ночь люди к партизанам идут, не вы первые.

Промолчали. Вошли в избу, поставили часового. Старик налил нам большую миску молока, положил буханку хлеба. В минуту ни молока, ни хлеба не стало. Старик поставил крышку кислого

молока, дал вторую буханку. Мигом съели и это. Закурили. Зайчик решительно сказал:

— Отец, ты вот тут о партизанах говорил...

— Ну, говорил...

— Как бы кого-нибудь из них повидать?

— Кого это?

— Партизан.

— Многих или одного?

Озадаченный Зайчик ответил:

— Хотя бы одного.

Старик затаился, выпустил через ноздри дым и сказал:

— Тогда будем знакомы. Я и есть этот самый партизан.

Трудно описать наше удивление. Потом оказалось, что мы случайно попали на явочную квартиру партизан. Сколько мы ни расспрашивали старика, он так и не сказал нам в этот вечер, как пройти в партизанский отряд. Только утром, приглядевшись к нам основательно, старик дал провожатого.

Часам к пяти пришли в деревню Пески. В деревне Яша и Егор свернули налево, их отряд находился недалеко. Нам оставалось перейти болото, чтобы попасть в отряд тов. Невского, куда мы шли.

Миновали болото. За поворотом стоял большой дуб, возле него — шалаш. Женский голос окликнул нас:

— Стой!

Мы увидели двух женщин с винтовками. Это был передовой пост, охранявший вход в лагерь. Нас пропустили не сразу. Дежурный по лагерю пошел доложить в штаб. Тщательно расспросив, нас повели дальше.

Мы прошли мимо обоза. Лошади паслись под деревьями, на повозках лежали мешки с продовольствием, седла. Горел костер с подвешенным на рогатках котелком. Штаб отряда находился на островке, окруженном глубоким, непроходимым болотом. Только зная тропу, можно было пробраться сюда. Пройдя с полкилометра по этому болоту, по перекладам и жердочкам, мы попали на островок, в центре которого стояли шалаши.

Шалаши были сделаны из деревьев и покрыты еловыми ветвями. Внутри шалаша деревянные нары с сеном — очень удобно спать. По стенкам развешано оружие: винтовки, автоматы. Чувствуется, что люди в боевой готовности: оружие в порядке, рюкзаки зашнурованы, в минуту можно собраться.

В палатке командира — радиоприемник. Есть даже радист, в прошлом шофер. Он принимает сводки Советского Информбюро.

Мы пришли во-время: на следующую ночь намечались действия против фашистов. По заданию штаба партизанской бригады два отряда должны были взорвать железнодорожную станцию и

Ровно в назначенное время отряд двинулся в поход

мост, уничтожить пакгаузы, продовольственные склады. Сбор отрядов был в деревне Савиново.

Когда я пришел туда, партизаны занимались заготовкой продуктов к походу: надо было приготовить еду на два-три дня для двухсот пятидесяти человек. Партизанам деятельно помогали колхозники. Старики резали скот, женщины варили мясо, пекли хлеб.

Был в отряде шестидесятилетний партизан, который ведал хозяйственной частью. Звали его Ипатыч. Это был, так сказать, партизанский интендант.

Сейчас интендант, совсем запарившийся, бегал от избы к избе, проверяя, хорошо ли печется хлеб, варится мясо. За ним, едва поспевая, быстрыми шагами ходили завхозы, прибывшие за продуктами из рот.

— Ипатыч! Отпусти мыло!

— Ипатыч! Дай махорки!

Ипатыч бегал мелкими старческими шажками, отбиваясь от посетителей.

— Нету махорки!

— Ипатыч!

— Шестьдесят лет я Ипатыч! Нету махорки!

Партизанский повар, ранее он заведывал районным нарпитом, готовил обеды. Повару помогала Тася—в прошлом акушерка, ныне как бы начальник санчасти отряда. У Таси три раза в неделю бывали амбулаторные приемы.

...Рано утром меня разбудили. Я вышел из хаты и увидел выстроенных вдоль дороги партизан. Командиры взводов проверяли оружие и снаряжение. Лица бойцов сосредоточены и суровы. Среди них были молодые ребята, были и старики. Ровно в назначенное время отряд двинулся в поход. Шли колонной по два, в абсолютном молчании. Дорога грязная, по лесам и болотам. Справа и слева—конный дозор, а по всему маршруту еще с вечера была выслана конная и пешая разведка.

К концу дня пришли в лес недалеко от станции. Переждали до трех часов и в темноте подвинулись к станции, на исходные позиции.

До начала действий оставалось полтора часа. Стояла лунная, но облачная ночь. Глаз скорее угадывал очертания зданий, водокачки, чем видел их. Время ползло невыносимо. Я находился со взводом Синельникова. Мы залегли на пригорке.

Полчаса до боя. На железнодорожных путях мелькнул огонек, другой, третий... Мы встрепетнулись. Синельников успокоил нас: это начальник фашистского караула проверяет посты. За четыре минуты до начала атаки залаяла сбоку собака. Ей начали понемногу вторить все соседние псы. Неприятный концерт! Возбужденный лаем, кто-то хлопнул дверьми, послышалось какое-то движение. Мы замерли. Стрелка часов двигалась медленно. Оставалась минута до назначенного срока.

5. НОЧНОЙ НАЛЕТ

Командир Синельников в бинокль смотрел на станцию. Там все было объято сном. Точно в назначенный срок раздался сигнальный выстрел. Заговорили пулеметы, автоматы, винтовки. Свистовый дождь ударил по зданию станции и пристанционным постройкам.

Отряд, которому предстояло штурмовать станцию, был разделен на несколько групп. Каждая из них получила боевое задание. Одна группа должна была непосредственно атаковать станцию, другая — преградить возможный подход фашистских резервов, третья — отрезать врагу путь к отступлению.

Немцы, ошеломленные неожиданным ударом, сперва совсем не отстреливались, затем начали беспорядочно отвечать. Бисерные нити трассирующих пуль доплыли в воздухе, разрезая ночную мглу.

— В атаку! Ура! — крикнул командир Синельников.

Партизаны бросились к станции. Бежать недалеко, но земля вязкая, скользкая. Люди падали, поднимались, снова бежали. Партизан Григоро вскарабкался на насыпь, споткнулся о семафорную проволоку и растянулся на рельсах. Чья-то сильная рука помогла ему подняться, и голос человека, невидимого в темноте, тихо произнес:

— Крепче, парень! Держись за воздух!

Это был командир отряда.

Вот и платформа. Из чердачного окна станции короткими брызгами проливалось пламя — бил вражеский пулемет.

— Ползком, парни! — подал команду Синельников.

Люди поползли по перрону. Вот она, ночь мщения! Она глуха, темна. Враг спал, он думал, что здесь, далеко от фронта, на захваченной им земле, не коснется его советская пуля. Ошиблись фашисты!

Нет для врага спокойного часа — горит под его ногами земля. Не будет ему ни сна, ни отдыха. Ночь глуха, но в этой ночи нет тишины: идут народные мстители. Вот они уже близко.

— Стетюха! Гранаты! — шопотом приказал Синельников.

Все застыли на месте. Партизан Стетюха, в прошлом бухгалтер, близко подполз к окнам дежурки и вдруг, приподнявшись, с размаху бросил связку гранат.

Раздался взрыв. Стекла и рамы вылетели на платформу. Пулемет наверху сразу смолк. Из дежурки послышались стоны. Молоденький партизан Юра подполз, привстал, заглянул в окно. Из окна грохнул выстрел. Юра припал к земле. Офицер, строча из автомата, выскочил на платформу, крича что-то солдатам, находившимся в дежурке. Юра рванул его за ногу. Офицер бряк-

чулся о платформу. Юра навалился на него и вскоре уже сидел на нем верхом, отстегивая брючный ремеш, чтобы связать немцу руки. При этом партизан говорил:

— Тихо. Не вертись, гадюка, а то круче будет!

Из дежурки гремели выстрелы. В ответ им в разбитые окна летели гранаты. Вскоре выстрелы смолкли. Один за другим в дежурку влезали партизаны. Они разбивали прикладами сигнальные и телеграфные аппараты. В пассажирском зале на корточках сидел партизан Ульянов и складывал из обломков и щепок костер, готовясь поджечь станцию. Он работал спокойно, не торопясь, словно возле походной кухни.

— Ребята, — озабоченно говорил он, — тащите растопку посуше! Нет ли газетки?

Костер разгорался, желтое пламя лизнуло стены. Я вышел на платформу. Налево, на железнодорожных путях, слышались разрывы: партизаны взрывали стрелки. Впереди виднелась коренастая фигура командира отряда. Своей легкой кавалерийской походкой он переходил от группы к группе, подбадривая бойцов, отдавая приказания, отпуская веселые шутки.

Сильная стрельба доносилась со стороны дома начальника станции, где расположились немецкие офицеры. Они отстреливались из автоматов.

Здесь опять отличился Стетюха. Человек он бывалый, за бои с белофиннами награжден

орденом. По приказу Синельникова Стетюха подкрался под самые окна и кинул свою «вязанку» гранат. От взрыва пригнулись молодые березки в саду. Посыпалась штукатурка, стены дома осели. В окнах вспыхнул огонь — занимался пожар. Прошло две-три минуты, и фашисты, гонимые пламенем, стали один за другим выползать наружу, отстреливаясь на ходу из автоматов. Партизан Иванов, у которого немцы повесили брата-учителя и вырезали семью, лежал за кустом в саду и меткими выстрелами сбивал каждого немца, появлявшегося в дверях.

— Это за Петю! За Олю! За Катю!

Да, у каждого из этих рабочих, колхозников, учителей, напавших в глухую осеннюю ночь на логовище врага, есть свои счета с немцами. Они мстят фашистским подлецам за сожженные дома, за убитых матерей и жен. Они мстят за свою родину, за разграбленные города и села, за горькие слезы матерей, за вытоптанные поля. Кровью скреплен боевой отряд советских людей, ушедших в леса, чтобы мстить врагу, и этот отряд не сложит оружия до той поры, пока последний фашистский солдат не будет сметен с советской земли.

...Смолкли выстрелы. Тишина. Операция прошла удачно. Близилось утро. Командир отряда отдал приказ к отходу. Отодвинулись в лесок, залегли. Люди, усталые, потные, с залепленными грязью лицами, жадно курили самокрутки и, пе-

ребивая друг друга, делились впечатлениями прошедшей ночи.

Прибыл связной из группы, которая взрывала мосты. Здесь тоже дела обстояли отлично. Связной — молодой парень в измазанной глиной одежде, промокшей до нитки, — рассказывал взволнованно и горячо, выпаливая быстрые, короткие фразы:

— Подползли... Глядим — часовой... Сеня прицелился!.. Немец хлоп в воду!.. Мы стали по будке бить, а немцы в окна сигать, в одних сподних... Не верите? — Он сердито обвел глазами присутствующих. — Как есть без порток, не вру!

Убитых и раненых в отряде нет, если не считать одного, легко раненого в щеку. Акушерка Тася перевязывает его. Ей помогает Григоро. Известно, что Григоро приударяет за Тасей, и наши остряки наперебой отпускают шутки.

— Григоро!

— Ну?

— Ты что же, за фельдшера или за кавалера?

Смех. Григоро хмурится и сердито плюет в сторону.

— Григоро!

— Чего тебе?

— Ты где экзамен на медика будешь сдавать? Профессору или в загсе?

...Внезапно все разом умолкают. В предутренней тишине ясно слышен далекий стук. Идет дрезна. Видимо, с немецкими подкреплениями. Ко-

роткая команда, все занимают свои боевые места. Напряженное ожидание. Стук приближается.

Вдруг раздается громовой взрыв, от которого плывет под ногами земля. Далекий столб дыма. Стремительная воздушная волна проходит по лесу, словно горячий ветер

6. ПУТЬ В ЛАГЕРЬ

Откуда взрыв? Что взорвано? Мы не понимали, в чем дело.

Потом оказалось, что взрыв произвела группа партизан, которой было поручено перерезать путь немцам в случае их отхода. Раздосадованная тем, что не пришлось вступить в бой, группа решила подойти к шоссе и устроить засаду. По пути партизаны натолкнулись на немецкий склад боеприпасов, убили часовых, забрали две сотни немецких снарядов, подложили их под большой мост на шоссе, подожгли. Раздался взрыв, который мы и слышали. Мост взлетел в воздух.

Затем партизаны сняли четыре километра телефонного провода вдоль шоссе. Они не могли унести этот провод с собой и сожгли его тут же на дороге.

Командир отряда подводит итог ночной операции: разгромлена станция, перебит немецкий отряд, охранявший ее, мосты взорваны, нормаль-

ное движение по железной дороге и по шоссе прервано.

Итог недурен. Плохо одно: немцы подбросили на дрезинах подкрепления и бьют из гранатометов по леску, где залегли партизаны.

Приходится отходить под огнем. Гранаты и мины крушат голые осенние деревца, вздымают глыбы земли. Сухие, желтые листья, словно встревоженные птицы, вьются в воздухе после каждого взрыва.

Впрочем, обстрел не приносит нам урона. Приходится только плотнее прижиматься к земле и ползти по грязи до опушки большого леса, находящегося примерно в километре. Люди невероятно испачкались. Лицо, куртка, штаны Стетюхи до такой степени вымазаны в грязи, что Синельников не может удержаться от шутки:

— Эй, водяной! Ты в каком болоте живешь?

— В том же, где и ты, — отвечает Стетюха, — только ты этажом ниже.

Через четверть часа мы в лесу и, значит, в безопасности. Пройдя километров двадцать по зыбкой, грязной тропинке, делаем привал. Иванов разжигает костер и зарывает в золу картошку. Разуваемся, смываем болотной водой грязь с лица и рук, сушим одежду.

Завтрак поспел. Иванов, обжигая ладони и дую на них, раздает нам горячую картошку. Что за картошка! Прелесть!

Вперед была послана разведка...

После завтрака командир отряда разрешает двухчасовой отдых. Партизаны, дымя самокрутками, усаживаются в круг. Гармошка, верная спутница радостей и бед, заводит плясовую. Начались танцы.

— Тасю! Тасю! — раздаются голоса.

В круг входит партизанский «медсанбат» Тася. Она начинает плавно кружиться в танце, помахивая платочком. Танцует она весело, ладно, с огоньком. Вот она роняет платок. Григоро бросается в круг, поднимает платок и, отряхнув, преподносит Тасе.

Этот галантный жест вызывает аплодисменты.

— Григоро! Пусть Григоро спляшет!

Он не заставляет себя долго упрашивать. Сорвавшись с места, начинает притопывать и приседать.

Веселье и танцы прервал дежурный. Он быстро подошел к командиру и доложил:

— Вернулись разведчики, привели двоих... Надо проверить, подозрительные...

Люди, задержанные разведчиками, стояли под огромной сосной, нерешительно поглядывая на проходящих. Их было двое: старый и молодой. Молодой — он говорил с явным немецким акцентом — заявил, что является механиком районной МТС. На вопрос, куда и зачем идет, ответил направлен немецким командованием для осмотра оставшихся в колхозах тракторов. Старик, его тень, послан с ним.

Старика увели, молодого стали допрашивать. Сначала он говорил бойко и быстро, затем стал изъясняться медленнее и, наконец, почти смолк. Вернули старика. Тот держался гордо, но врал еще неудачнее, чем молодой, и вскоре запутался. Наконец, оба сознались, что все ранее сказанное ими — ложь. В чем же правда? Они пробовали увилить, цеплялись за самые вздорные объяснения, упирались, потели, но в конце концов признались: немецкое командование послало их по деревням, чтобы разведать, где находятся партизаны.

— Ну, вот, вы теперь точно знаете, где мы находимся, поздравляю вас, — не без иронии сказал командир.

И хотя это была абсолютная правда, фашистские шпионы никак не казались обрадованными столь «блестящими» результатами своей экспедиции. Младший хныкал и, вытирая глаза, бормотал:

— Не расстреливайте меня! Не расстреливайте меня!

Партизан Иванов не выдержал, подтолкнул его сзади и сказал:

— Эй, ты, мразь! Умел людей продавать, умеешь хоть сдохнуть спокойно!

Приговор мог быть только один. Командир отдавая приказ — шпионов отвели в овраг. Вскоре два выстрела возвестили, что мерзавцам пришел конец. Туда им и дорога! Так будет со всяким,

кто продается врагу! Пусть не ждет он пощады. Никуда ему не уйти, всюду сыщет его партизанская пуля.

...К вечеру мы подошли к деревне Островки. Вперед была послана разведка, выяснившая, что немцев в деревне нет. Слух о том, что идут партизаны, разнесся по домам, и, когда мы вышли на улицу, все население уже высыпало наружу.

В здание сельсовета, где разместились партизанские командиры, вскоре набилась уйма народу — не протолкаться. Колхозники жадно спрашивали обо всем: о делах на фронте, о Москве, о положении под Ленинградом—немцы уже трижды торжественно объявляли, что Ленинград взят. Партизаны в свою очередь спрашивали местных жителей: что у них? То же, что и в других деревнях, где прошел поганый сапог немецкого захватчика: замученные женщины и дети, казненные сельские активисты, разграбленное добро.

В этой деревне немцы захватили председателя сельсовета, повесили его на дереве головой вниз. После того, как несчастный провисел так шесть часов, немцы стали в него стрелять с двадцати шагов на пари, как в тире.

Молча слушали партизаны этот страшный рассказ. Дорого заплатят немцы за кровь наших людей! Не будет захватчикам ни жалости, ни пощады!

— Эх, попались бы мне они! — сказал партизан Иванов и ударил прикладом винтовки о пол так сильно, что закачалась лампа, подвязанная на шнуре к потолку. — Я бы с ними поговорил-побеседовал!..

Хлопнула дверь, вошла старушка, маленькая, в платке. Она спросила:

— Где здесь партизаны?

— Мы, бабушка. В чем дело?

Старушка подошла к столу и начала быстро выкладывать из корзинки шерстяные носки, варежки, шарфы.

— Вот мы для вас теплые вещи собрали, небось, стынете в лесу-то, заморозки...

Она торопливо говорила:

— Это бабы давно для вас навязали, да все не знали, где вас найти.

— Спасибо, бабушка! — сказал командир отряда и обнял старуху.

А она все говорила, радостная, взволнованная, запыхавшаяся:

— Слышу, партизаны пришли... А мы-то вас искали, искали...

В избу вбежал караульный:

— Товарищ начальник, там верховой, за селом, на пригорке.

Мы вышли на крыльцо. Темнело. В последних лучах уходящего дня был виден всадник, придерживавший коня на холме. Он пристально

вглядывался в село. И вдруг он повернул к дороге и стал спускаться с пригорка, быстрой рысью приближаясь к нам...

Всадник приблизился к околице. Затем, словно почуввав что-то, вдруг резко натянул поводья. Остановил коня. Конь был вороной, с тонкими стройными ногами. Он приплясывал под всадником.

— Юра! «Грома» сюда! — крикнул Синельников.

Юра бросился за «Громом» — так звали лошадь Синельникова. «Гром» не был еще расседлан после похода. Незнакомец, увидев движение в группе людей, стоявших возле сельсовета, решительно повернул своего коня и поскакал к лесу.

— Стой! — крикнул Синельников и выстрелил в воздух.

Неуловимым движением, словно вспорхнул над землей, он вскочил в седло. «Гром» завертелся под ним, вскинув морду, закусывая удила. Синельников слегка тронул поводья и поскакал за околицу.

— Стой, гад! — крикнул он еще раз.

Расстояние между ним и незнакомцем было значительное, но «Гром» стремительно летел вперед. Только черная грива замелькала среди придорожных деревьев.

Синельников выхватил наган, прицелился на полном скаку, выстрелил. Мимо! Незнакомец обернулся и тоже выстрелил. Промех!

Обменявшись такими приветствиями, всадники продолжали свою бешеную скачку. Лес был уже недалеко. Синельников снова прицелился.

— В лошадь! Бей в лошадь! — крикнул Степюха, хотя не было никакой уверенности, что Синельников услышит его.

Выстрел. Еще один. Синельников действительно целил в лошадь. Она сильно рванулась вправо и рухнула на передние ноги. Всадник кубарем скатился на землю и побежал по жнивью к лесу. Было видно, как он вынул из-за пазухи какую-то бумажку, разорвал ее и бросил.

Минута — и «Гром» настиг его. Ударом нагана Синельников сбил беглеца с ног. Вскоре подошли партизаны. Незнакомца связали, привели в село. Нашли мелкие обрывки бумажки. Степюха после долгих стараний склеил их и торжественно принес Синельникову.

Бумажка оказалась письмом «бургомистра» соседнего селения к немецкому командованию с просьбой выдать Петрову, «верному человеку» (бывшему мельнику из села Залучья), пропуск, как связному, направляющемуся по деревням с директивами «сельским старостам». Нашли у задержанного и «директиву» — приказ немцев о немедленной выдаче всех, кто, согласно подлинному тексту приказа, «был председателем, секретарем, коммунистом, большевиком или коммунистическим юношей». За укрытие всех этих лиц приказ угрожал немедленным расстрелом.

Итак, еще одна сволочь попалась в руки партизан. В ту же ночь его отправили вдогонку первым двум шпионам, выдававшим себя за техников МТС.

— Авось, догонит тех двоих, — сказал Стетюха, зарывая труп предателя в землю, — а не догонит — один дорогу найдет, не заблудится...

Наутро я распрощался с отрядом и пошел в штаб партизанской бригады.

7. КЛЯТВА

...Яша Ривман, с которым мы вместе переходили линию фронта, прислал записку:

«Сергей, приходи к нам в отряд. Есть интересный материал для фотографирования. Жду. Будешь доволен. Комиссар».

Ну, что ж! Если буду доволен, значит надо идти!

Вышел пригожим осенним утром вместе с группой партизан. Не прошли и пятнадцати километров, как вдали на дороге показались вооруженные люди. Увидев нас, они стали разворачиваться в цепочку. Остановились и мы. Выслали разведчиков. Те вскоре вернулись — свои!

Мы подошли. На двух телегах сидели и лежали раненые партизаны. Их сопровождал вооруженный взвод.

Всем остальным партизан снабжают колхозники.

Командир взвода, молодой парень, опоясанный пулеметными лентами, с трофейным автоматом за плечом, шел впереди.

— Далеко везете раненых?

— В лазарет.

— А где находится ваш лазарет?

Он казался удивленным.

— Как где? В тылу.

— Где в тылу? У немцев?

— Зачем у немцев! — Командир взвода удивленно посмотрел на меня. — Да нет же, в нашем, советском тылу, за линией фронта.

Итак, раненых партизан направляют за линию фронта, в наши армейские госпитали.

...Яша встретил меня, как старого друга. Познакомил с командиром отряда Савченко, слава о котором гремела среди партизан и колхозников. Савченко был одет в немецкую офицерскую шинель, обут в немецкие сапоги с короткими голенищами. Бывший командир-пограничник, он отлично дисциплинировал и обучил свой отряд. Этому отряду командование бригады поручало самые ответственные боевые задания. «Гроза фашистов» — называли отряд в районе.

Горячо встретил меня и Егорушка. Мы крепко обнялись с ним, и он все повторял:

— Пообтерся. Ишь, загорел! Молодец. Бородачи-то, бородачи! Много немцев убил?

— Ни одного, Егор, — отвечал я, улыбаясь. — Не пришлось, ни один не попался.

— Это плохо, — серьезно сказал Егор, — без дела тоже не след прохлаждаться.

Сколько я ни упрашивал Яшу, он так и не сказал, зачем вызвал меня.

— Завтра! — говорил он и таинственно хмурил лоб. — Утром узнаешь все.

Поужинали, легли. Когда Яша уснул, вошел Егор. Я спросил его, зачем меня вызвал комиссар.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — ответил Егор.

— Ну, Егор, скажи, будь другом, — просил я.

— Утихни, — сказал Егор, — ишь взволновался. Спи, во сне легче будет!

Мне не спалось. Что же будет завтра?

Утро выдалось серое, хмурое. Солнце изредка прорезывалось сквозь тучи, бросая лучи на траву, тронутую легкой морозной сединой. Неподалеку было село, и утренние дымки стлались над голыми деревьями. Дело шло к зиме. Холодно. Не сегодня-завтра выпадет снег.

На рассвете в шалаш вошел Яша.

— Вставай, Сергей! — сказал он. — Пора...

Я быстро оделся, и мы двинулись в путь.

На лужайке, куда мы пришли, выстроился полукругом весь партизанский отряд. Бойцы стояли в полном вооружении, с вещевыми мешками. На флангах находились конники.

— Смирно! — прозвучала команда.

Ряды замерли. На середину вышел командир

отряда. Дежурный по лагерю молодцеватым строевым шагом приблизился к нему:

— Товарищ командир! Отряд построен по вашему приказанию для принятия торжественной партизанской клятвы.

Я посмотрел на бойцов. Здесь были молодые и старые, были женщины, были люди, чья боевая слава гремела по городам и селам, и люди, только вчера пришедшие в отряд. Их лица выражали одно: суровое спокойствие, гордую уверенность в своем деле.

— Друзья! — сказал командир, и его голос громко прозвучал в тишине. — Сегодня мы принимаем в свои ряды новых бойцов. Так же как и мы, они оставили свои дома, свои семьи, чтобы мстить врагу, мстить жестоко, беспощадно. Так же как и мы, они должны поклясться сегодня перед боевыми рядами товарищей, что будут драться до тех пор, покуда хоть один вражеский солдат останется на советской земле, драться на смерть, не жалея жизни...

Сдержанный гул прервал эти слова. Партизаны подняли винтовки, как бы отвечая на призыв своего командира. Блеснули штыки, шорох прошел по рядам, и кони, стоявшие на опушке леса, заходили под всадниками, позвякивая удилами...

— Товарищ Вакулин! — сказал командир.

Из рядов вышел коренастый старик с винтовкой и четырьмя подсумками на ремне. Одет он был в пальто, сверх которого был накинута бре-

зентовый плащ, туго стянутый поясом. Он подошел к командиру, снял фуражку, вынул из кармана красный стариковский платок, бережно расправил его и отер лысину.

Командир протянул ему текст присяги, написанный от руки на листке бумаги.

Старик не слишком был тверд в чтении. Он начал читать, запинаясь, часто останавливаясь, повторяя слова:

— «Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад не будет уничтожен...»

Старик несколько дней тому назад пришел в отряд, он был из ближнего села. Немцы сожгли это село за то, что крестьяне отказались отдать им свой скот.

В ответ на это старик темной ночью поджег немецкий склад с боеприпасами и ушел в партизаны.

— «За сожженные города и села, — медленно читал старик, — за смерть женщин и детей наших, пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно...»

Старик прочел текст присяги, подписал его на полевой сумке командира, бережно сложил листок вдвое, отдал и твердым шагом вернулся в строй.

Место старика занял молодой парень, комсомолец Володя Архипов. Володя уже довольно долго находился в отряде и не раз участвовал в боевых делах. Три дня тому назад он вместе со своими товарищами Баевым и Воронковым уничтожил бывшего кулака Николаева. Предатель агитировал против Красной Армии, выдал немцам сельских комсомольцев, активистов. Постановлением партизанского отряда он был приговорен к смертной казни. Приговор привели в исполнение Володя Архипов, Баев и Воронков.

Они переоделись в немецкую форму и ночью пришли в деревню. Постучали в окошко к Николаеву.

Им долго не отвечали, наконец, сердитый женский голос отозвался из-за запертого окна:

— Кто там?

— Нам Николаева, — сказал Володя.

— Нету его... Вот еще, шлятся по ночам.

Тогда Баев, который немного знал немецкий язык, громко сказал несколько слов по-немецки, как бы сердясь на что-то. Это сразу подействовало.

— Сейчас, сейчас! — заторопилась женщина за окном. — Сейчас отворю.

Она открыла дверь, парни вошли в избу. Николаев был дома. Он вышел навстречу, низко кланяясь, угодливо приглашая зайти в горницу. Усадил гостей на лавку.

Баев начал говорить по-немецки. Володя стал якобы переводить:

— Нам нужно знать, где находятся партизаны.

Николаев не заставил себя долго упрашивать. Господин офицер интересуется, где партизаны. Он все расскажет. Он знает людей наперечет.

— Я все знаю и все покажу, — говорил он подобострастно.

— Хорошо, — сказал Володя. — Нам необходимо, чтобы вы сейчас же показали дорогу в отряд.

Стояла ненастная ночь, но Николаев тут же оделся и вышел из избы.

— Идите за мной! — сказал он.

Он провел «немцев» огородами и вышел на тропинку, которая действительно вела в партизанский отряд. Подошли к реке.

— Стой! — сказал Баев.

И на чистейшем русском языке он обратился к Николаеву:

— Пришли! Конец тебе, шкура!

Николаев на секунду обомлел. Потом начал плакать, просить о пощаде.

— Кончай! — сказал Баев.

Раздались два выстрела, тело мерзавца свалилось в воду.

...Сейчас Володя стоял перед строем, и грозные слова партизанской клятвы, произносимые молодым и сильным голосом, далеко разносились вокруг:

— «Кровь за кровь, смерть за смерть! Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии и уничтожать бешеных гитлеровских псов и предателей народа, не щадя своей крови и своей жизни...»

Один за другим выходили партизаны, чтобы принять присягу. Здесь были люди самых различных профессий: Петя Мякишев — слесарь, Гриша Валюшкин — маляр, Тоня Семенова — продавщица мороженого, Артемьев — киномеханик.

Каждый из них сурово и твердо произносил клятву. Безмолвно внимал словам строй партизан. Сотни глаз внимательно глядели на человека, принимавшего присягу, как бы оценивая его твердость, мужество, верность своему слову.

«Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...»

Крепка партизанская клятва! Не сломят ее ни пуля, ни виселица, ни пытки врага.

Присяга окончилась. Отряд выстроился в походный порядок и ушел: вечером предстояла боевая операция.

...Да, прав был Яша. Чтобы заснять эту сцену — клятву советских людей в тылу у немцев, — стоило пройти десятки километров по болотам и бездорожью.

Но Яша попрежнему сохранял таинственный вид и говорил:

„Я клянусь, что скорее умру в жесточайшем бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...“

— Ты думаешь, я тебя только из-за этого звал?

— Конечно.

— Нет, не совсем... Завтра будет еще одно дело...

8. ДЕВУШКА С ВИНТОВКОЙ

После завтрака комиссар сказал мне:

— Идем, сфотографируешь одного человека.

— А что за человек?

— Идем, идем, после узнаешь...

Мы вышли из шалаша. Ночью потеплело, замерзшие лужи растаяли, грязь расползлась. Дул сильный ветер. Сухие опавшие листья шуршали под ногами.

У одного костра сидела девушка лет двадцати, высокая, краснощекая, белокурая, в пальто, блузке с брошкой, в берете. В руках она держала винтовку.

— Познакомьтесь, — сказал партизан.

Девушка поднялась, протянула мне руку:

— Здравствуйте... Шура.

Девушки, сидевшие возле костра рядом с Шурой, тоже поднялись и представились:

— Ира... Валя... Зельма...

— Лихие разведчицы! — сказал, улыбаясь, партизан. — Никого не боятся... Ну, Шура, начнем с тебя. Стань в позу, будем фотографировать.

— Меня? — Шура была очень удивлена.

— Тебя, тебя, приготовься. Пропечатаем в столичных газетах.

Я заснял несколько кадров. Ривман спросил:

— Увековечено?

— Все в порядке.

— Ну, а теперь, Шура, расскажи товарищу о своей работе.

Тут я узнал историю партизанки Шуры.

Мать Шуры — колхозница, вдова. Шура — комсомолка. Она работала до войны статистиком в районном центре. После прихода немцев ушла с партизанами. В ее родном селе никто, кроме матери, не знал об этом.

Когда партизанам понадобилось разведать расположение немцев в районном городке, они послали в качестве разведчицы Шуру. Ведь она знала там каждый закоулок.

Прежде чем отправиться в город, Шура решила зайти в село проведать мать и выяснить обстановку. Часов в десять вечера она пришла к себе в избу. Мать возилась возле печи. Когда скрипнула дверь, она обернулась и сердито спросила:

— Кто там?

— Это я, мама... Шура.

— Шура! — вскрикнула мать.

Она выронила ухват и бросилась к дочери. Они не виделись два месяца.

— Шуронька, Шуронька... — бормотала мать.

Она все обнимала и целовала дочь. Подвела

к лампе, вглядывалась в дорогие черты. Слезы катились из глаз, и она утирала их фартуком.

— А я-то думала, убили тебя...

Вдруг она забеспокоилась:

— Никто не видел тебя?

— Нет.

— Это хорошо... хорошо.

Оказалось, что немцы не раз приходили к ней, осведомлялись о Шуре. Она отвечала, что не знает, где находится дочь, но немцев не удовлетворял такой ответ. Они подозревали, что Шура ушла к партизанам, и объявили матери: «Сожжём избу, если не сообщишь нам, как только дочь вернется».

...Мать суетилась у стола, собирая ужин. На столе появилась крынка топленого молока и любимые шурины лепешки. Сели ужинать. Мать спросила:

— Как теперь, Шурочка? Уйдешь или останешься?

— Уйду, мама, — ответила Шура.

Мать долго молчала. Потом сказала:

— Правильно. Уходи, Шура... Повесят тебя немцы, если поймают здесь. Надругаются над тобой.

Слезы снова потекли у нее из глаз. Она сидела, сгорбившись, подперев шершавой ладонью морщинистую щеку. Вот вырастила она дочь, а дочь ушла и, может, погибнет где-нибудь под пулей или в петле от руки палачей-фашистов.

Шура прервала молчание:

— А ведь сожгут тебя, мать, если я попадусь.

— Сожгут... Это верно...

— Ну, и как же?

Мать молчала.

— Пусть сожгут! — вдруг решительно сказала она.

...На другой день Шура огородами пробиралась в город. Она шла в глубоком раздумье. Оставить мать без крова? Пустить ее по миру на старости лет? Может быть, правильнее вернуться в отряд, не выполнив поручения? Или остаться дома? Может быть, в этом выход?

Нет! Она вспомнила слова партизанской клятвы: «Скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму». Выход один! Драться до последнего вдоха, жертвуя всем, что имеешь.

Шура решительно и быстро зашагала дальше.

Вот первые здания знакомого города.

Вот разрушенная и сожженная главная улица. Вот и дом, где она работала, — торчат одни трубы да головешки. Шура свернула направо, к реке. Здесь находился Дом колхозника, где разместился немецкий гарнизон.

Двор был обнесён колючей проволокой. Шура заметила тщательно замаскированные пулеметные дула на крыше и на чердаке. Во дворе стояли машины, немецкие солдаты разгружали ящики

с патронами. Шура запомнила сарай, куда они сносили эти ящики. Установила расположение постов.

Оставалось определить удобные подходы к дому для ночного налета партизан.

Шура спустилась к реке и нашла овраг, который вел прямо к забору дома.

Потом она отправилась к электростанции. Разведала места расположения немецких часовых, установила, с какой стороны удобнее проникнуть в здание.

Кажется, все! Надвигались сумерки, пора возвращаться к своим. Надо спешить: немцы не разрешают ходить по городу с наступлением темноты. Пройдя два-три квартала, Шура вышла на окраину. Оставалось перейти мост — за мостом маячил лес.

Было уже совсем темно, когда она подошла к реке. По берегу шагал немецкий часовой. Шура вынула из сумки маленький трофейный браунинг, выждала момент, когда часовой несколько отошел в сторону, и шмыгнула на мост. Быстро побежала. Немецкий часовой резко остановился, услышав подозрительный шум.

— Хальт! — крикнул он.

Шура была уже на середине моста. Она обернулась и на ходу дала два выстрела в сторону часового. Тот присел. Воспользовавшись его секундным замешательством, девушка стремительно

Много таких девушек в отрядах. Они разделяют все тяготы партизанской жизни.

сбежала с моста, бросилась с дороги под откос и поползла в кустарник.

Часовой беспорядочно стрелял. Потом подошел караул, затрещали очереди автоматов по лесу. А Шура ползла ложиной среди кустарников. Она переночевала в лесу и наутро пришла в отряд...

Теперь она сидит у костра в берете, в блузке с брошкой — типичная русская девушка районного города.

Много таких девушек в отрядах. Они разделяют все тяготы кочевой партизанской жизни. Вместе с мужчинами идут они в бой, жгут и взрывают вражеские машины, истребляют отряды немецких захватчиков. Они лучшие разведчицы, отличные снайперы, стойкие бойцы за наше общее дело.

...К костру подошел Зайчик. Он сказал:

— Завтра мы едем...

— Куда?

— В советский район.

Я удивленно посмотрел на него. Он повторил:

— Ну, да! Советский район — в тылу у немцев...

9. СОВЕТСКИЙ РАЙОН

...Когда мы вышли из шалашей, густой туман покрывал лес, полз по земле, цеплялся за кустарники. Костры в тумане казались желтыми колеблющимися пятнами.

Над одним из костров висел на перекладине котел — здесь варился завтрак. Повар Степаныч стоял над котлом в белом фартуке, подвязанном поперх полушубка. Огромной черпалкой он размешивал суп.

— Повар! Щи флотские? — спросил смешливый молодой партизан, умывавшийся у ручья ледяной водой.

— Стрелковые! — отрезал повар, не любивший, когда приставали с расспросами.

Справа возле палатки сидела большая группа бойцов. Здесь радист принимал утреннюю сводку Советского Информбюро. Он сидел с карандашом в руке и быстро записывал строчку за строчкой на листках бумаги.

В шалаше у Таси — амбулаторный прием. Пациенты входят один за другим и без обиняков выкладывают свои горести.

— Тася, я ногу натер...

— Тася, вчера весь вечер знобило...

Тасе помогал Григоро. Он держал в руке сумку с красным крестом, подавал инструменты, медикаменты. И каждый пациент считал своим долгом подшутить:

— Григоро, когда пляшем на свадьбе?..

Степаныч крикнул:

— Завтрак готов!

Все подошли с мисками к котлу. «Стрелковые» оказались отличными, не хуже «флотских». На второе повар выдал картофельное пюре. За-

тем чай с клюквой — ее было множество на болотах.

После завтрака мы пошли на конюшню. Конюшня — нехитрая, под открытым небом; сосновые жерди укреплены на рогатках; к жердям привязаны лошади. Конюх быстро подседлал коней.

Мы выехали на дорогу. Со мной — Зайчик и комиссар партизанской бригады Сидоркин. Туман понемногу рассеялся. Добротные кони легко шли по утреннему морозцу. Солнце выглянуло из-за туч, и дальний лес заискрился, заиграл, как это бывает поздней осенью.

Проехали километров десять. Вдали показалась небольшая группа людей. Сидоркин посмотрел в бинокль.

— Это партизаны, — сказал он.

Их было четверо. Они вели человека в серой шинели с погонами, без ремня, в сапогах с короткими голенищами. Это был пленный немецкий солдат.

— Где взяли? — спросил Сидоркин, кивнув немца.

— Захватили недалеко от города.

— Куда ведете?

— Через линию фронта... В штаб дивизии... У него важные сведения.

Итак, оказывается, партизаны транспортируют через фронт не только раненых, но и пленных!

— Сколько времени будете идти?

— Итти много...

— Смотрите, товарищи, — сказал Сидоркин, — осторожно около деревни: там немцы.

— Про немцев знаем, пленный рассказал...

Выясняем: когда брали немца в плен, он при первом же выстреле бросил на землю оружие и закричал:

— Товарищ! Я рабочий, не убивайте меня!

Во время допроса заявил, что война давно надоела ему и он только искал случая сдаться в плен. В пути пленный всячески помогал своим конвоирам, предупреждал об опасности, сообщал, где и сколько расположено фашистских войск, переводил разговоры солдат, когда проходили мимо вражеских постов.

...Вот и цель нашего пути — небольшая деревенька. Здесь сейчас находилась тройка, руководящая советским районом в тылу у немцев.

Вечером мы пошли на заседание тройки совместно с председателями колхозов.

Совещание происходило в крестьянской избе. За столом сидели члены тройки; на скамьях, поставленных в два ряда, разместились колхозные председатели. Густой махорочный дым плавал в воздухе, люди говорили обстоятельно, спокойно, деловито заглядывали в записные книжки — я никак не мог отделаться от ощущения, что это самое обыденное мирное заседание где-нибудь в далекой от фронта полосе.

Первым выступил руководитель тройки — невысокий пожилой человек с окладистой бородой, в пиджаке, сапогах. Он говорил о том, что задача колхозов — всячески саботировать приказы немецкого командования. Хлеба немцам не сдавать, прятать по ямам. Партизанам помогать всеми мерами, снабжать хлебом, мясом и другими продуктами.

По очереди говорили председатели. Рассказывали о своих делах.

— Анна Зубкова! — назвал председатель фамилию очередного оратора.

Поднялась молодая женщина, кладовщица одного из колхозов. Она призывала больше помогать партизанам.

— Они наши родные защитники, — горячо говорила она. — Ничего не жалко для них... Они кровь свою проливают, дорогие наши богатыри...

Она рассказала, что заготовила в своем колхозе для партизан в течение месяца тысячу килограммов сухарей.

— И еще тысячу заготовлю... Честное слово... Даже две тысячи, — закончила она под общие аплодисменты.

Собрание подходило к концу, когда с заднего ряда поднялся колхозник в ушанке.

— Как детей будем учить, товарищи?

— Детей?

Колхозник разъяснил свой вопрос. Немцы закрыли школу на замок, а на дверях бумажка

прилеплена: хватит, мол, поучились. Как тут быть?

Встал старичок, председатель другого колхоза, и крикнул:

— Чорт с ними, с немцами! Мы замки посбивали и опять детей учим... По-нашему, по-советскому...

Порешили делать так, как сделал старик...

После заседания я отправился в помещение тройки.

Тройка постоянно меняла свое местопребывание. Обычно она располагалась в колхозных избах, иногда в здании сельсовета. Никакой канцелярии не было, дела разрешались на месте.

Так живет этот район... В тылу у немцев работают советские учреждения, школы, действуют советские законы, распространяются советские газеты...

В избу вошел председатель колхоза — тот самый старичок, который рассказал, как сбили замок со школы. Он подошел ко мне и спросил:

— Из газеты?

— Да.

— Идем...

Мы вышли на улицу, сели на скамейку. Старик спросил:

— Махоркой пользуешься?

— Конечно.

Старик вынул кисет, мы свернули самокрутки, задымили. Старик сказал:

— Ласковый табачок, душу гладит... Самосад...
Ну, а теперь я буду рассказывать...

10. ПРОВОДЫ

Многое рассказал мне в этот вечер старик-председатель. Рассказал о том, как немцы расстреляли колхозницу Яковлеву и двух медицинских сестер за помощь раненым красноармейцам; о старушке Филипповой, отказавшейся дать доски на гроб для похорон убитого офицера, — фашисты заперли старуху в избу и сожгли заживо; о четырех девушках, увезенных немцами в публичный дом; о том, как колхозники всеми силами и средствами помогают партизанам.

Рассказал мне старик о шестидесятилетнем пастухе, который добывал для партизан важные сведения о немцах, не раз ходил за проводника. Немцы узнали об этом, пытались его арестовать, но неудачно — он скрылся. Во время погони фашисты прострелили ему обе ноги. С простреленными ногами он и приполз в свою деревню.

Узнал я и о председателе сельсовета, который, пользуясь сельсоветским телефоном, сообщал находившимся в соседних деревнях партизанам о движении немцев...

Беседу прервал Зайчик:

— Сергей, ты здесь? Я тебя всюду ищу.

— Что случилось?

— Идем, надо поговорить.

Мы отошли в сторону. Зайчик сказал:

— Пора в обратный путь — домой. Как, ты закончил свои дела?

— Заканчиваю.

— Закругляй... Пора...

Действительно, уже три недели, как мы у партизан. Время идет к зиме: обратный путь предстоит тяжелый. Где находится линия фронта, мы не знаем. Надо спешить.

На другой день Зайцев собрал нашу группу. Она уменьшилась — Яша и Егорушка оставались здесь. Домой, через фронт, предстояло идти Зайчику, Гусеву, Плескачевскому и мне.

Собрались. Подвели итоги. Гусев заснял несколько сот метров интереснейшего материала. Лева исписал объемистую тетрадь, даже на обложке чернели какие-то заметки. Да и у меня накопилось кое-что.

Готовясь к далекому пути, распределили между собой работу. Нам предстояло пройти не менее двухсот километров.

Я взял на себя заботы по заготовке продовольствия. Пошел к «партизанскому интенданту» Ипатычу. Объяснил, в чем дело.

— Ну, что ж! — сказал он. — Одного кабана вам довольно?

— Половины достаточно, Ипатыч.

На дорогу зарезали нам свинью. Вместе с поваром стали ее разделывать. Я надел фартук, начал рубить фарш. Приготовили сорок пять кот-

лет, поджарили килограмма четыре свинины. Запаслись сухарями. На первые дни взяли печеный хлеб. Ипатыч принес мешочек сахару.

— Возьмите! Слаще будет болотная водица!

...Весть о том, что мы уходим, разнеслась по отряду. Партизаны приносили письма к родным и знакомым — в далекие города, за линию фронта.

Каждый старался хоть чем-нибудь помочь нам.

Наконец, сборы окончились. Когда стемнело, собрались у костра — это был вечер прощания с партизанами. Сидоркин затянул песню, все подхватили. Полилась родная советская песня. В ней пелось о людях, которые дрались с врагом, не жалея жизни, шли к великой цели сквозь трудности и невзгоды. Громко звучала песня среди вечернего леса... Девичьи голоса вплелись в хор, и мелодия улетала во тьму, как бы подхваченная ветром.

— Ребята, оставайтесь еще на недельку, — сказал Ипатыч.

— Нельзя, Ипатыч... И так загостились. Пора. Нас ждут.

Костер догорал. Все сидели, задумавшись, глядя на переливавшиеся огнем раскаленные угли... Послышался шорох шагов, и из мрака вынырнули два человека.

— Ну, вот, — сказал командир, — это ваши проводники: Ваня и Леша. Знакомьтесь!

Мы поздоровались. Ваня был высокий, строй-

ный, светлые волосы, голубые глаза. Леша — ростом поменьше.

— Завтра идете, — сказал проводникам командир. — Готовы?

— Всегда готовы! — ответил Ваня.

Последние рукопожатия.

Наутро, едва забрезжил рассвет, мы вышли из лагеря. Нас провожали партизаны, наперебой желали удачи, счастливого пути. Ипатыч напоследок сунул мне новые овчинные рукавицы.

— Приходите еще раз, — говорил он, — ждем обратно...

— Придем, Ипатыч! — сказал Гусев.

Тася и Шура принесли нам перевязочные бинты.

— Пошли! — сказал Зайчик.

И вот снова вшестером мы двинулись в далекую дорогу. На повороте остановились, в последний раз взглянули на родной лагерь.

Утро было холодное. Я шел и думал: где-то будем мы ночевать в первую ночь? Придется мерзнуть. Как бы угадав мои мысли, Сережа Гусев сказал:

— Ну, товарищи! Надо одолеть еще одного врага — мороз.

После нескольких часов пути за рекой показалась деревня. У крайних ее изб толпился народ. Мы осторожно подошли. На стене хаты висело объявление на русском и немецком языках. Его вывесили немцы. В нем было несколько пунктов:

— За снабжение партизан продовольствием — расстрел.

— За помощь скрывающимся красноармейцам — расстрел.

— За появление на улице позже семи часов вечера — расстрел...

Словом, за все расстрел.

В заключение фашисты обещали три тысячи рублей тому, кто сообщит о местонахождении партизан.

Молодой паренек читал объявление, толпа молча слушала. Мы стояли позади, нас никто не заметил. Парнишка закончил чтение.

Седой старик протиснулся вперед. Сорвал объявление, скомкал и кинул в грязь.

— Собаки! — крикнул он. — Что же это мы — русской кровью торгуем?!

Толпа одобрительно загудела...

Мы двинулись дальше. Переночевали в сарае, одиноко стоявшем на лесной полянке. Следующий день был удачным: прошли пятьдесят километров. Пробирались через леса. Дул сильный холодный ветер, огромные сосны гудели над нами. Тропинка едва заметно петляла среди засохшего папоротника.

Неожиданно увидели в овражке шалаш. Осторожно приблизились — ни души. Ваня подполз к шалашу первым. Заглянул туда и крикнул нам: — Подходите!

Мы вошли в шалаш, огляделись. В углу стояла

Седой старик протиснулся вперед. Сорвал объявление, скомкал и кинул в грязь.

небольшая типографская машина. Два-три ящика со шрифтом. Стопы бумаги. Людей в шалаше не было.

Что за чудо? Кто работает в этой типографии?

Мы осторожно осмотрели шалаш. В углу, прикрытая ветками, лежала стопка свежееотпечатанных листовок. Зайчик взял одну из них. Это было воззвание партизан к населению оккупированного района.

Так, случайно, проходя по глухим тропам, мы натолкнулись на тайную типографию партизан. Люди, печатавшие прокламации, повидимому, отлучились, но у нас не было времени их ждать. Зайчик вынул карандаш и написал на обороте листовки: «Привет, друзья! Желаем удачи!..»

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Короткий осенний день был на исходе, быстро темнело. Небо к вечеру освободилось от туч предвещающая холодную ночь. Блеснула первая звезда. Мы стали искать ночлега. Подошли к стогу сена, одиноко маячившему у края болота.

— Здесь! — сказал Зайчик.

Расположились, развели костер, просушили обувь, одежду. Каждый вырыл себе в стоге «нору». Забрались, легли. Ночью ударил мороз. Как ни кутался я в свой кургузый ватник, как ни зарывался в сено, все равно — зуб на зуб не по-

надал. И тезка мой Гусев тоже беспокойно ворочался рядом со мной.

— Прохватывает, Сергей? — спросил я.

— Да, аж печенка мерзнет! Злой мороз!

Чуть забрезжил свет, мы уже снова в пути. Продукты у нас кончаются. Я — артельный завхоз — с грустью чувствую, как легчают наши мешки. Пора их пополнить, давно пора! И сахар и сахара на исходе...

В середине дня показались три избушки, расположенные между штабелей еловых бревен. Здесь жили лесорубы. Они охотно указали нам путь к партизанам. Через три-четыре часа мы подошли к глубокому оврагу, по скатам которого виднелось несколько шалашей — партизанский лагерь.

Переночевали, пополнили запасы продовольствия. Снова пошли — это был пятый день нашего путешествия.

Где-то слева слышалась канонада: значит, уже не так далеко от фронта. Казалось, мы близки к цели. Но нет!.. Нас ждали новые испытания.

Прошло еще несколько суток. Мы продвигались теперь вдоль фронта, искали места погнать, чтобы незаметно пройти к своим. Продовольствие было на исходе, а главное — кончился табак. Каждый нашел себе «заменитель». Зайцев и я предпочитали папоротник, Гусев — осиновые листочки...

Ночи становились все холоднее. Как-то раз утром, проснувшись, мы увидели, что поля покрыты снегом. Мы уже давно питались грибами, теперь и их не найти! Я роздал товарищам последние сухари. Весь день ничего не ели, спать легли голодными.

— Плохо дело, ребята, — сказал я. — Дойдем ли?

Лева откликнулся:

— Может, обратно к партизанам?

Мы сидели, задумавшись. Морозный ветер насквозь продувал наши куртки. Настроение было неважное. Все осунулись, ослабели.

Зайчик решительно поднялся.

— Вперед, ребята! — сказал он. — Взялись за дело, надо довести до конца.

И мы пошли вновь.

...Шестнадцатый день пути был особенно труден. В этот день никто из нас ничего не ел: запасы давно кончились, картофеля на полях не было. О дневке или ночлеге в деревнях нечего было и думать: всюду стояли немцы. Приходилось далеко обходить населенные пункты, идти только лесами.

До озера оставалось не больше пятнадцати километров: именно здесь мы предполагали перейти линию фронта. Смеркалось, когда мы подошли к деревне, где расположился крупный немецкий отряд. Надо было пересечь большак — дело не легкое: по дороге все время двигались

вражеские обозы. Долго мы выжидали. Наконец, удобный момент настал. Зайчик перебежал дорогу первым. Очередь за мной. Я приподнялся и, согнувшись, побежал к обочине.

В этот момент за поворотом послышался стук колес, громкие голоса. Я ничком упал в канаву. Прямо на меня двигалась колонна немецких повозок с пехотой. Последняя повозка внезапно остановилась, и солдаты, сидевшие в ней, долго и пристально, словно почуяв что-то, вглядывались в мою сторону. Я лежал ничком, плотно прижимаясь к земле.

Наконец, немецкий ефрейтор громко крикнул что-то, повозка со скрипом тронулась с места и вскоре скрылась из виду. Я перебежал дорогу.

Долго искали мы в этот вечер, где заночевать. Наконец, уже в полной темноте подошли к небольшому сараю, стоявшему недалеко от деревни.

Дальше идти не было сил. Расположились в сарае. Никак не могли уснуть — из деревни доносились пьяные песни немецких солдат. Наконец, там все стихло. Мы выставили охранение и вскоре заснули.

С утра снова пошли лесом. Впереди, справа, ясно слышались разрывы снарядов, пулеметная дробь: с каждым шагом мы приближались к фронту. Пройдем или не пройдем?

Чаща поредела, показалась заброшенная лесная дорога. Остановились, прислушались. Тишина.

Неожиданно мелькнула серая фигура.

— Ложись! — шепнул Зайчик.

Мы легли. За первой фигурой мелькнула вторая, третья...

— Леша! Разведай! — приказал Зайчик.

Тот уполз. Мы лежали, напряженно вслушиваясь. Раздался условный лешин свист. Это значило: идите ко мне! Зайчик прошел вперед. Из лесу навстречу ему показались люди в красноармейской форме. Неужели свои?

Зайчик обернулся и радостно крикнул:

— Ребята, сюда!

Мы побежали. Да, это были красноармейцы. Мы не верили своим глазам. Неужели мы у цели? Да, перед нами наши советские бойцы, в касках, с родной пятиконечной звездой. Мы обнимали их, чуть не плача от счастья.

Это была разведка N полка. В пяти-шести километрах отсюда находились части Красной Армии.

— Откуда вы? — спросил командир разведки.

Волнуясь, мы стали объяснять: были в партизанских огрядах и идем обратно, прошли около четырехсот километров, пробираемся к своим...

Красноармейцы наперебой предлагали нам хлеб, сахар. Ах, как приятно было в первый раз затянуться папироской!

Итак, мы у своих. Кончился тяжелый путь.

Нашу беседу с бойцами прервал дозорный, который подбежал к командиру:

— Немцы! Засада!

Короткая команда, все залегли. Раздались ружейные выстрелы. Заговорили пулеметы, автоматы.

Наши вели меткий огонь. Два раза пытались немцы перейти в атаку, и каждый раз советские автоматы прижимали их к земле. У врагов был явно численный перевес, они старались нас окружить. Рядом со мной лежал политрук разведки, ожесточенно отстреливаясь. Из-за кустов совсем близко показалась группа фашистских солдат. Политрук привстал на колени, уперся плечом в молодую елку и короткими очередями бил немцев. Вот один из них замертво ткнулся в осоку, за ним другой, третий...

Внезапно руки политрука опустились, автомат упал — пуля сразила героя. Гусев схватил его автомат и продолжал стрелять.

— Отползай! — послышалась команда.

Красноармейцы, не прекращая огня, стали отходить.

— Назад, Сережа! — крикнул я Гусеву.

Он, видимо, не слышал меня и продолжал бить из автомата.

Сильный огонь заставил немцев залечь в укрытие. Воспользовавшись этим, разведка отошла к озеру. На опушке леса командир произвел проверку. Нехватало четверых красноармейцев и Гусева.

Нам было очень тяжело. Исчез наш Сережа! Пройти через все опасности, перенести столько

лишений, невзгод, не раз видеть лицом к лицу смерть — и погибнуть у самой цели!..

— Не грустите, ребята, — говорил командир разведки. — Придут, я своих бойцов знаю.

Печальные, шли мы за отрядом. Вот арка с надписью «Дом отдыха». Здесь разместились наши передовые части. Возле забора стояла походная кухня. Потрескивали дрова. Вкусный запах щей разносился кругом — тех самых щей, о которых мы столько мечтали в походе.

Но есть не хотелось. Мысли о Гусеве не давали покоя.

— Идут! Идут! — слышались голоса.

Мы бросились к воротам. По дороге шло пятеро бойцов. Мы подбежали. Гусев. Он, своей долговязой персоной.

Ох и обнимали же мы его! Едва не затискали... Подошел командир и спросил:

— Жив?

— Жив!

— Ну, тогда идем щи есть!

— Это дело.

Поели мы в этот день щец и каши наславу. Вознаградили себя за двухнедельный пост. Улеглись в просторной комнате, бывшей столовой дома отдыха. В прошлую ночь не спалось от холода, в эту ночь не спалось от радостного возбуждения.

В углу комнаты лежали два бойца. Один из них рассказывал:

— Окружили они нас... Ни туда, ни сюда... Что будешь делать? Тут этот... бородатый старик-партизан как крикнет: «Вперед, ребята, за мной!» Кинулись. Немцы — драпать... А старик за ними...

Мы поняли, что рассказ идет о Гусеве. Не выдержали, расхохотались.

— Гусев!.. — кричал Зайчик. — Ведь это ты старик-партизан. Это о тебе рассказывают!

...Настал час расставания с друзьями. Я спешил в Москву, в редакцию, с материалами. Обнялись мы, крепко расцеловались

* * *

Через восемь часов я сидел в редакции и рассказывал. Мне посоветовали:

— Опишите все это, будем печатать.

Описать? Пришел домой, взял перо, приготовил бумагу. Но дело не ладилось... Как передать события и думы всех этих бурных дней? С чего начать, чем кончить?.. Ведь я не журналист, а фоторепортер.

Думал-гадал, потом решил: буду писать без затей, по порядку все то, что было в действительности.

Я вспомнил о людях, с которыми сроднился за это время и которые стали для меня любимыми, дорогими: о командире Савченко, о «партизанском интенданте» Ипатыче, о разведчице Шуре,

о дорогом моем следопыте Егорушке, о боевом товарище Зайчике, о многих десятках других героев, беззаветно сражающихся с врагом. Вспомнил, пододвинул чернила, обмакнул перо и вывел заглавие:

«У ПАРТИЗАН».

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
1. В дорогу!	3
2. Ночь и день	9
3. По болотам	15
4. На островке	20
5. Ночной налет	28
6. Путь в лагерь	33
7. Клятва	42
8. Девушка с винтовкой	52
9. Советский район	58
10. Проводы	64
11. Возвращение	70
